

«В главном — единство, в спорном — свобода, во всем — любовь»

Блаженный Августин

ИЗДАНИЕ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ СЕРГИЕВО-КАЗАНСКОГО ХРАМА П. КРАСНООБСК

Православная семья

выпуск 12

1/2009

Выпускается по благословению Высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Новосибирского и Бердского

с Рождеством!
Христовым!

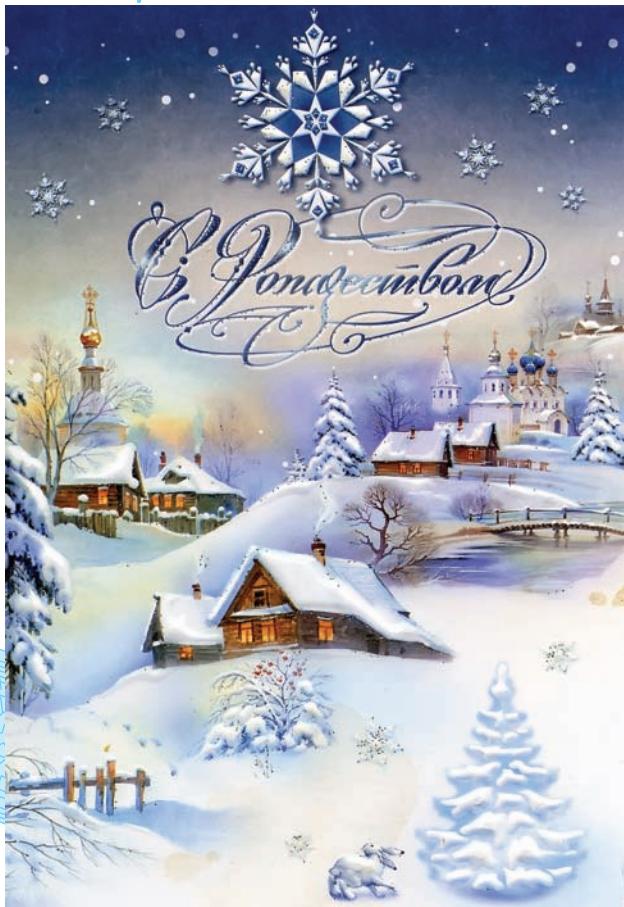
специальный выпуск

Праздник детства

Праздник Рождества согрет особым теплом. Он наполнен тихой радостью домашнего очага, волшебным ароматом хвои, таинственным мерцанием свечей. Этот праздник ждут все, но для детей он особенно важен. Подумайте, ведь сам Бог, Творец земли и неба, владетель всего сущего пришел в этот день на землю. Не в огненной колеснице, не как властитель, а как тихое, смиренное дитя. Те, у кого несколько детей, знают, как трепетно относятся они к новорожденным. Добрый сердцем ощущают они его беспомощность и одновременно величие. Человек пришел в мир — это чудо и самая большая радость. Радость о Рождестве Господнем — многократная.

Задолго до праздника дети ждут — когда же наступит Рождество, ловят его приметы, готовят подарки близким. У каждого детства свои, особые приметы великого праздника. Через всю жизнь несут люди добрую память о Рождестве своего детства. Оно освещает жизнь, как Вифлеемская звезда, спасает от горечи прожитых лет. Каким оно было, Рождество в той, старой России?

В воспоминаниях замечательного русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева перед читателем предстают зrimые картины старорусского Рождества: «Наше Рождество подходит издалека, тихо, глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженых свиней подвозят, — скоро и Рождество... В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, — мороженые свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами — разводы розовые видно, снежком запорошило.

А мороз такой, что воздух мерзнет. И неем стоит, туманно, дымно. И тянутся обозы — к Рождеству... Прямо из саней торговля. И без весов, поштучно больше. Широка Россия, — без весов, на глаз... Богато жили.

Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес ёлок. А какие ёлки!.. У нашей ёлки, как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу... В Сочельник, под Рождество, — бывало до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар — из чернослива, груши. Ставили под образа, на сено. Почему? А будто — дар Христу... Будто Он на сene, в яслях...

Ко всенощной. Валенки наденешь, тулутик из барана, шапку, башлычок, — мороз и не щиплет. Выйдешь — певучий звон... Звездный звон, певучий, — плывет, не молкнет; сонный, звончудо, звон-виденье, славит Бога вышних — Рождество.

Идешь и думаешь: сейчас услышу ласковый напев-молитву, простой, особенный какой-то, детский, теплый... — и почему-то видится кроватка, звезды.

Рождество Твое, Христе Боже наш,
Возсия мирии Свет Разума...

И почему-то кажется, что давний-давний тот напев священный был всегда. И будет...

Идешь из церкви. Всё — другое. Снег — святой. И звезды — святые, новые, рождественские звезды...

И в доме — Рождество. Пахнет натертymi полами, мастикой, ёлкой. Лампы не горят, а все лампадки. Печки трещат-пылают. Тихий свет, святой. В холодном зале таинственно темнеет елка, еще пустая, — другая, чем на рынке...

А вот и — завтра... Топотом шумят в передней. Мальчишки, славить... Мишка Драп несет Звезду на палке — картонный домик: светятся окошки из бумажек, пунцовые и золотые — свечка там...

Волхвов приючайте,
Святое стречайте,
Пришло Рождество,
Начинаем торжество!
С нами Звезда идет
Молитву поет...

Приходит много людей поздравлять. Перед иконой поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрогивает в груди. И вздрогивает всё на елке, до серебряной звездочки наверху...

В детской горит лампадка. Светит большая звезда над Бармининым садом, но это совсем другая. А та, Святая, ушла. До будущего года».

Воспоминаниями о Рождестве своего детства делится митрополит Рижский и всея Латвии высокопреосвященнейший Александр.

«Праздник Рождества у большинства людей моего поколения ассоциируется с детством. Мои сокровенные воспоминания связаны с чудесной сказочной зимой латгальской глубинки. Зимы полвека назад были по-настоящему «зимними» — белыми, сверкающими,

воздушными. И очень радостными — ведь было так много снега, искрящегося миллионами звездочек, и света, и солнца.

Готовиться к празднику начинали загодя, выдерживая сорокадневный Рождественский пост. Пост, правда, нестрогий, но все-таки ограничения есть. Прекращались все гулянья, не было свадеб, люди как бы собирались духовно, да и материально.

Сегодня все иначе. Люди как бы программируют себя: с утра сходим на работу, потом в магазин, а вечером устроим Рождество — шум, гам, гремящая музыка, петарды. Конечно, вся эта круговерть создает иллюзию праздника, но такое включенное в режим дня торжество не затрагивает глубин сердца. Это сродни пластмассовым елкам — форма есть, имитация содержания есть, а вот волнующего терпкого елового аромата — нет. Накануне сочельника ехали в лес, придирчиво выбирали самую роскошную, самую раскидистую красавицу, зеленую, душистую, да такую, чтобы упиралась в потолок! Макушку украшали картонной или стеклянной звездой — она символизировала Вифлеемскую звезду, приведшую восточных мудрецов на поклонение Богомладенцу. Игрушки делали сами. Клеили из бумаги бабочек, птичек, ангелочеков, раскрашивали их, вешали на елку яблоки, если они были, а нет — делали из подручных средств. Изготовление игрушек само по себе было большой радостью, потому что сопровождалось теплым общением с друзьями, родителями, родственниками и создавало ощущение приближающегося праздника, важного для всех. И когда этот праздник приходил, душа была переполнена светлой радостью.

В сочельник ничего не ели — допустимы были только сочivo, кутья (вареная пшеница с медом) и взвары из сухих фруктов. Домашние собирались в церковь на Рождественскую всенощную службу, предварительно примирившись и попросив прощения друг у друга за намеренные и невольные обиды.

Немыслимо прийти в храм к рожденному Младенцу со злобой, с застарелыми обидами и нехорошими помыслами. Поэтому батюшка, прежде чем начать службу, обязательно спрашивал: «Все ли вы помирились?» А по дороге в церковь то и дело слышалось: «Простите меня!» — «Бог простит! И меня простите!» — «И вас Бог простит!» Нужно было отыскать человека, которого обидел, и попросить прощения у него, а если он был далеко, повернуться в его сторону, поклониться и мысленно попросить прощения. Сорокадневный пост и готовит к примирению, к осознанию того, что гордыню надо поубавить каждому из нас.

Память сохранила удивительные картины... Кто пешком, кто на лошадях, со всех деревень и хуторов люди идут и едут к церкви, а в ночном морозном воздухе разносится звон колоколов. В церкви уже зажжены лампады, свечи, паникадила, чувствуется запах ладана. В притворе прихожане обметают валенки от снега, мужики расчесывают бороды, волосы, снимают сосульки с бровей. Потом мужчины становятся на правую сторону церкви, женщины — на левую, дети идут вперед... После службы батюшка поздравляет всех с праздником. Прихожане выходят из церкви, целуются, обнимаются, со всех сторон доносятся: «Слава Тебе, Господи, дождались праздника!»

Все спешат по домам. Столы покрываются белыми чистейшими скатертями — в самом бедном крестьянском хозяйстве обязательно были такие. Под скатертью клали сено — это знаменовало ясли Богомладенца. Хозяйка ставила на стол заранее приготовленные яства, и вся семья садилась разговляться. Мои родители, устра-

ивая рождественские елки, никогда не забывали пригласить в гости соседских детей из католической семьи. А однажды на Святки эта семья устроила для всех нас целое представление — инсценировку басни Крылова «Стрекоза и Муравей». И никому не нужно было объяснять, что раз у соседа праздник, самому работать неприлично. Традиционно крестьянские семьи откармливали к Рождеству кабанчика. Стало быть, и блюда были мясные — самодельные колбасы, холодец, заливное мясо. А еще — жареная птица, гусь или курица. Несмотря на изобилие блюд, разговление было аккуратным и воздержанным — после многодневного поста опасно съесть слишком много скромного. Да и куда торопиться? Впереди Святки, постных дней нет до самого Крещенского сочельника. Самым памятным подарком для меня были книги. Тогда хорошие книги были редкостью, а мне с детства нравилось читать. А еще... Те чудесные кулечки, которые я получал на каждое Рождество от родителей. В кулечке был один мандарин, один апельсин и два грецких ореха. Но все-таки самый главный подарок, который остался со мной на всю жизнь, — это то настроение, то восторженное ликование души, которое приходило вместе с Рождеством.

Рождество, этот светлый праздник Богомладенца Христа, — праздник детей, а все мы ими были и где-то в глубинах души и остаемся. Так пусть же светлая вера в Бога и людей, наивная в глазах мира сего, но бесценная в очах Божьих, объединяет нас».

По произведению И.С. Шмелева «Лето Господне»
и интервью О. Дементьевой ежедневной газеты Латвии «Час».

В этом году исполняется 100 лет со дня блаженной кончины святого праведного Иоанна Кронштадского. Еще при жизни отца Иоанна считали святым — почти каждый день совершались чудеса по его молитве. Мы предлагаем вам рассказ о детских и юношеских годах отца Иоанна.

дитиний дар

Родился он хилым и слабым. «Не доживет дитя и до утра», — испугались родители, и отец сбежал к священнику, чтобы поскорее окрестить новорожденного мальчика. Все-таки, если умрет, то крещенным. Дитя ночью крестили и нарекли Иоанном в память великого святого Иоанна Рыльского. Обряд крещения словно вдохнул в мальчика новые силы. «Будет жить», — радостно успокоил священник родителей.

Отца новорожденного звали Ильей, мать Феодорой. И жили они в селе Сура Архангельской губернии. Почти все предки отца Иоанна служили в сельских церквях. Родители с первых лет жизни приучали ребенка к молитве. Отец (он был псаломщиком) каждый день брал сына в церковь, и мальчик знал правила богослужений раньше, чем научился читать. И привык молиться страстно, трепетно. А с наукой чтения дело шло хуже. Грамота не давалась маленькому Иоанну долго. Ему было совестно — у взрослых и так мало времени, а тут еще он — такой непонятливый. Когда все взрослые уходили, Иоанн опускался коленями на холодный пол и, глядываясь в потемневший от времени образ, молил Бога дать ему разумение. Однажды во время такой молитвы мальчик так горько плакал и так искренне просил Господа о помощи, что вдруг почувствовал — с глаз неожиданно как бы спала пелена, он взял в руки книгу и стал читать слово за словом, строку за строкой.

Когда Ивану пошел десятый год, отец отдал его в приходское училище в городе Архангельске. Вдали от родных, бедный и неуспешный в учебе, он был очень одинок. Товарищи по учебе часто смеялись над Ваней за то, что он отставал в учении и к тому же не разделял их шалостей. Он числился в последних учениках. Его уже и спрашивать на уроках перестали, так он безнадежно отстал. И тогда он обратился к единственному, кто мог ему помочь — к Богу.

Как и несколько лет назад, он упал на колени и, обливаясь слезами, стал умолять о помощи... В скором времени на уроке он вызвался отвечать. Товарищи по привычке сначала насмехались над ним, но потом смолкли. Учитель был поражен тоже. Иоанн отвечал так уверенно, так хорошо, как будто никогда и не был худшим учеником в классе. Скоро он обогнал многих и к концу курса как лучший ученик был переведен в Духовную семинарию.

Однажды Иоанн увидел сон. Как будто он, только взрослый, входит в огромный храм Божий. В храме тихо, людей мало. Но перед иконами, как и положено, всюду горят свечи. Он, Иоанн, словно хозяин здесь, обходит иконы в драгоценных окладах, приближается к роскошному иконостасу и все думает — «Да кто же священником здесь?» И вдруг слышит, словно с неба: «Ты есть здесь пастырь!» И сразу храм озаряется светом, а сам он — во всем священническом одеянии стоит перед алтарем. Сон этот он впоследствии видел несколько раз.

Как-то Великим постом Иоанн тяжело заболел. Доктор сказал, что болезнь очень серьезна и необходимо есть мясо и пить молоко. Но Иоанн сказал, что без матушкиного благословения не нарушит пост. Было решено послать письмо матери. Ответ ее удивил всех: «Лучше умереть, а постов не нарушить». И Иоанн не выполнил совета врача. Несмотря на это, здоровье его пошло на поправку.

Духовную семинарию Иоанн закончил лучшим учеником в 1851 году. Его хотели направить учиться дальше, в Духовную Академию, в Санкт-Петербург. Но неожиданно случилось несчастье. Из родного села пришла весть, что умер отец. Матери, сестрам было теперь не на что жить. Иоанн решил отказаться от учебы и поискать место диакона или псаломщика. Но мать с этим не согласилась и настояла, чтобы Иоанн продолжил образование.

Иоанн приехал в Петербург, начал учебу в Духовной Академии и одновременно устроился работать писарем. Все свое жалованье он отсыпал матери и сестрам. Однажды Иоанн приплыл в Кронштадт. Когда он вошел на соборную площадь и увидел Андреевский собор, он испытал странное волнение. Ему показалось, словно он бывал на этом месте не раз. «Да это же тот самый храм, который мне снился!» — подумал Иоанн. Все внутри храма, каждая его деталь были Иоанну знакомы.

Вскоре Иоанн закончил Академию. Чтобы стать священником, ему нужно было или жениться, или стать монахом. Невесты у него не было. Вдруг Иоанн получил неожиданное предложение. Протоиерей Константин Несвицкий, уходивший на покой, предложил Иоанну жениться на его дочери. Когда же Иоанн узнал, что старенький священник служит в Кронштадте, в том самом Андреевском соборе, он не раздумывая согласился. В тот миг он не

* мог объяснить никому, что увидел в неожиданном предложении волю Божию. Так началось служение отца Иоанна. С первых же дней своего служения отец Иоанн поставил себе за правило: как можно искреннее относиться к своему делу, пастырству и священнослужению, строго следить за своею внутреннею жизнью.

По его молитвам стали происходить чудотворения, и слухи о них распространились в Кронштадте и Петербурге. Люди тянулись к нему сначала десятками, затем сотнями и тысячами. На исповеди, длившиеся по 12 часов, приходило до 6 тысяч человек. Такого влияния на все слои русского народа, какое имел отец Иоанн, не было ни у кого. Не только со всей России, но и из Европы, Индии, Америки присыпали ему тысячи писем и телеграмм с просьбой о молитве.

9 декабря 1908 года отец Иоанн совершил последнюю Литургию, а утром 20 декабря тихо предал свой дух Богу.

Пустьте детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царствие Небесное (Мф. 19, 14)

Рассказ старого колокола

Рождество, Рождество, наконец-то наступил долгожданный веселый праздник! Наши звонкие колокольчики радуются, как и все дети на свете. Елка, праздничная служба, необычная, ночная, а потом, утром, праздник в воскресной школе. И, конечно, подарки. На Рождество их всегда очень много. Игрушки, сладости, новые книжки, столько всего интересного! Конечно, и внуки приготовили подарки дедушке. Он похвалил и вкусное печенье, которое испекла Динь, и аккуратную подставку для книг, которую смастерили Дон.

— Но самый дорогой подарок — ваша доброта, ваша вера, — ласково сказал он внучатам.

— Дедушка, а почему на Рождество всегда дарят подарки? — спросила Динь.

— Тому много причин, — с улыбкой сказал старый колокол.

— А я знаю, знаю! — нетерпеливо закричал Дон, — эта традиция идет от самого первого Рождества!

— Расскажи-ка нам, — предложил дедушка.

— Давным-давно мудрецы, волхвы-звездочеты из жаркой восточной страны узнали, что где-то на земле родился Сын Божий. Путевод-

ная звезда, удивительно яркая и красавая, показывала им дорогу. Волхвы отправились в далекий путь. Много дней и ночей шли они, ожидая увидеть богатый дворец. По велению свыше, прежде чем отправиться в путь, они взяли дары: золото, как царю, ладан, как Богу, и смирну, благовонное масло, как смертному человеку. Звезда привела их в далекую страну Иудею. Они миновали города и селения, нигде не находя Царя. Наконец, звезда остановилась у входа в пещеру, возле города Вифлеема. Удивленные волхвы вошли туда и увидели лежащего в яслях Младенца. Его лицо сияло, как солнце. С ним была и его мать, Пресвятая Богородица. Волхвы поклонились до земли и оставили драгоценные дары Сыну Божьему. Поэтому и сейчас на Рождество дарят подарки. Правильно, дедушка?

— А еще злобный царь Ирод хотел убить Младенца, — подхватила рассказ брата Динь, — поэтому он повелел мудрецам, после того, как они найдут Христа, обязательно вернуться к нему. Он обманул, сказав, что тоже хочет поклониться Ему и принести подарки. Ангел явился к волхвам и сказал им об этом. Волхвы не вернулись к царю, а поспешили в свои земли, неся весть о рождении Христа.

— Молодцы, внучата, очень хорошо запомнили. Но самыми первыми о рождении Христа узнали простые бедные пастухи. Ангелы небесные сошли перед ними с небес и возвестили великую радость. Пастухи поспешили к пещере, в которой скот укрывался от непогоды. Чистые сердца, веру принесли эти бедные люди в дар Христу. И этот дар был не меньшим, чем драгоценные дары волхвов. Как вы думаете, зачем люди дарят подарки друг другу?

— Наверное, чтобы сделать приятное, — предположил Дон.

— Чтобы доставить радость! — воскликнула Динь, — и порадоваться самому.

— Чтобы выразить свою любовь, — добавил дедушка, — передать частичку добра. Даря другому подарок, мы исполняем заповедь Христову о любви к ближним. Главное, чтобы это был дар от чистого сердца. Христос, прия в мир в образе человека, подарил каждому из нас всего себя. Сын Божий сошел на землю и стал человеком, для того, чтобы спасти нас от многовековой власти греха. Он принес каждому надежду на спасение и вечную радость. Поэтому Рождество Христово — праздник светлый, добрый, радостный для всех. Никто не должен предаваться печали в веселые святочные дни. Родился Свет миру!

Пастух

На древнюю Иудею опустилась ночь. На небосводе засверкали яркие, огромные, как свечи, звезды. От их холодного света казалось, что воздух в поле совсем ледяной. Овцы и коровы жались друг к другу, испуганно поводя чуткими ушами на каждый подозрительный шум. Костер почти догорел, его угли чуть мерцали в темноте.

— Пора на ночлег, — сказал старый пастух Иосиф, поднимаясь с земли.

Всё стадо разом пришло в движение. Заблеяли овцы, важно замычали коровы. Молоденький ослик, радостно взмыливая, скакал вокруг стада, играя с мальчиком-пастушком. Один из пастырей, высокий мужчина с угрюмым лицом, сердито прикрикнул:

— Угомонись! Лучше за овцами последи, а то только со своим ослом и скачешь!

Мальчик испуганно притих и поспешил к сбившимся в кучу овцам. Осленок понуро потрусила за хозяином.

— Напрасно ты ругаешь его, Симон, — покачал головой старый пастух, — грех сироту обижать. Мальчик старается изо всех сил.

Угрюмый пастух ничего не ответил, поправил красивый теплый плащ из овечьей шерсти и щелкнул кнутом. Стадо двинулось к пещере, где обычно пережидали ночь.

— Смотрите, смотрите, — громко закричал мальчик, указывая рукой вверх, на черное ночное небо.

Иосиф поднял голову и тоже восхликал в изумлении:

— Чудо, чудо, смотрите!

На небе, где еще несколько минут назад были только обычныеочные светила, с восточной стороны показалась необыкновенно яркая, огромная звезда. Поле осветилось желтоватым светом, непохожим на обычный мертвенный ночной свет луны и звезд. Можно было разглядеть траву, пыльную тропинку со следами людей и животных.

— Ну, что встали! Звезд никогда не видели? — раздраженно сказал Симон и подхлестнул быка кнутом. Тот обиженно замычал и тронулся по знакомому пути. За ним потянулось и всё стадо.

— Надо посмотреть, куда указывает звезда! — восхликал молодой пастух, — похоже, она совсем рядом с нами!

Мальчик зачарованно смотрел на чудную звезду. В группе разлилось необычайное тепло, даже студеный воздух не холодил. Он не смел сказать об этом, но внутри него как будто звучала торжественная песнь: «Радуйтесь, люди, пришло спасение!». Скорее, скорее туда, где остановилась путеводная звезда! Серебряный звон наполнил долину. Через мгновение перед оторопевшими пастухами предстали юноши необыкновенной красоты. Было ясно видно, что они сходят прямо с неба, оттуда, где светит необыкновенная звезда.

— Ангелы небесные, — прошептал мальчик, — сколько же их!

Серебряный звон усилился, уже ясно можно было различить пение: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецах благоволение». И ещё: «Христос рождается, славите!». Ни один голос в мире не был похож на это чудное пение. Оно было прекраснее соловьиных трелей, нежнее звуков свирели, возвышенное шума горных потоков. Так пел ангельский хор. Их пению вторил высокий мальчишеский голос. Он захлебывался от радости, от переполнявшего через край счастья. Ему казалось, что пело всё и вся — земля и небо, каждая травинка, дорога, даже овцы и ослик. Спаситель, Спаситель пришел на землю! Надо, чтобы все об этом узнали! Но где же он, мессия, как же увидеть его, хоть одним глазком? Ангельские голоса звучаттише,тише,ангельский сонм поднимается в небо, вот и совсем пропал. Пришли?

— Похоже, звезда прямо над нашей пещерой, — изумленно сказал Иосиф, — подождите меня неподалеку, я войду в пещеру один.

Он приподнял полог из шкур и осторожно заглянул в пещеру. В очаге горел огонь, освещавший пещеру неверным светом. На грубом каменном столе, рядом с нехитрой снедью, стояли драгоценные сосуды, наполнявшие пещеру

благоуханием. Возле очага хлопотал старик Закхей. Когда-то он тоже пас стадо, но сейчас был уже так стар, что оставался в пещере и только готовил еду для товарищей, да поддерживал в очаге огонь. Рядом с ним был какой-то незнакомый старец. Возле яслей, где держали корм для овец, сидела юная женщина с необыкновенно красивым и добрым лицом. С любовью и благоговением смотрела она на ясли. Иосиф подошел поближе. В яслях спал младенец. Совсем крошечный. Похоже, что ему не более одного дня от роду. Старый пастух смотрел, как зачарованный. От каменной колыбели исходил теплый свет, такой же, как от звезды. Лицо малыша было невыразимо прекрасно. Не зная, почему он это делает, но понимая, что именно это и нужно сделать, Иосиф опустился на колени перед яслями и тихо сказал:

— Чудо. Он — мессия, Спаситель, которого мы так долго ждали.

Женщина подняла глаза и улыбнулась.

— Он — сын Божий. Он пришел на землю в эту ночь, чтобы спасти всех. Подойдите к Нему. Он ждал вас.

Пастухи, несмело стоявшие у входа, осторожно подошли к яслям. Только угрюмый Симон продолжал стоять один, опираясь о каменный свод. Один за другим опускались они на колени, молитвенно складывая руки. Тихая радость наполняла каждого. Их лица, обветренные и обожженные солнцем, стали в эти минуты подобны ангельским ликам, наполнились светом и любовью.

— Добрые люди, вы много трудились, устали, — ласково сказал старец, — ваша пещера дала нам приют в эту холодную ночь. Садитесь же за трапезу, разделите с нами радость великого чуда Рождества.

Стол — большой серый камень посреди пещеры, был уставлен аппетитно пахнущими мисками. Посреди горкой лежали золотистые лепешки. От чаши сладко пахло медом. Пастухи с благодарностью принялись за еду. Только мальчик никак не мог отойти от яслей. Ему очень хотелось дождаться, когда малыш откроет глаза.

— Ты останешься голодным, — сказала ему женщина, — поешь!

Он помотал головой:

— Я хочу, чтобы Он благословил меня, когда проснется.

Малыш как будто услышал его и в тот же миг открыл глаза. Они с любовью и с недетской мудростью глядели на пастушка. Никогда он не видел таких глаз! В них отразилась великая радость и великое сострадание ко всему миру, к каждому человеку, кем бы он не был. Мальчик опустился на колени и протянул руки к яслям. Крошечный ребенок поднял свою ручку, на краткий миг коснувшись ею его руки. Никогда еще сирота-пастушок не был так счастлив.

— Господи, я пойду за тобою всюду, — прошептал он, — я расскажу всем, что в мир пришел Свет, Радость, Любовь.

Ах, как ему хотелось, чтобы все испытали такое же счастье! Мальчик оглянулся вокруг. Пастухи стояли вокруг яслей.

греха. Но сейчас Он — маленький, слабый и беспомощный ребенок. Согрей его!

Он положил одеяло в ясли, бережно расправив. Наклонился и поцеловал малыша. Потом, так же улыбаясь, отступил в угол пещеры, почти скрывшись в полутьме.

На востоке узкой полосой разгорался рассвет. Пора в степь! Степенный пастух Иосиф поклонился гостям. За ним подходили и другие пастухи, кланяясь до земли Богомладенцу, Его святой Матери и названному отцу. Последними подошли Симон и мальчик. Пастух долго смотрел на Младенца. Казалось, они вели безмолвный диалог. Наконец Симон опустился на колени возле яслей, склонился в земном поклоне и, выпрямившись, произнес:

— Я верный слуга Твой, до конца земных дней. Мы возвестим всем людям, что миру пришло спасение. Благослови нас!

Младенец поднял ручку, коснулся склоненных голов пастуха и мальчика. Еще раз поклонившись Святому семейству, они вышли вслед за другими.

— Иосиф, — обратился Симон к старому пастуху, — мы покидаем тебя. Мы идем, чтобы рассказать всем людям о младенце Христе.

— Люди услышат нашу весть, — подхватил мальчик, — возврадуются, получат надежду на спасение от Господа. В мир придет любовь и вера.

Старый пастух Иосиф задумался. Потом проговорил:

— Ты был очень хорошим пастухом, Симон. Путь, который вы выбрали, тяжел. Но нет большей радости, чем послужить Господу. Мы увидели чудо сегодня ночью.

— Чудо вот здесь, — быстро перебил его Симон, прикладывая руку к своей груди, — до этой ночи здесь было каменное сердце. Оно не могло простить давней обиды. Этот Младенец одним взглядом обратил камень в живую плоть, вернул мне любовь и радость сострадания. Это бесценный дар. Вся моя жизнь теперь принадлежит Ему.

— А мне он подарил великое счастье, — радостно сказал мальчик, — теперь у меня есть отец. Мы всегда будем вместе и Христос — с нами.

По пыльной серой дороге идут два человека. Один — сгорбленный седой старец, с удивительно молодыми, добрыми глазами. Другой — сильный мужчина, бережно поддерживает старика.

— Мы прожили замечательную жизнь, сынок. Мы видели, как в мир пришло ликование Рождества. Мы знали, когда несли эту весть людям, что где-то подрастает тот, кто принесет всему миру радость спасения. Мы были свидетелями пречудного Богоявления, когда пришли креститься от праведного Иоанна. Мы не пошли вслед за Христом, потому что уже знали Его, а вновь отправились в чужие страны, чтобы говорить без устали: радуйтесь, Спаситель пришел в мир.

— Помнишь, как смеялись над нами, когда пришла горестная весть о распятии Христа, и как ликовали мы вскоре, когда узнали, что Он воскрес, — подхватил мужчина, — мы самые счастливые люди на земле.

Приключения снежинки

Высоко-высоко в небе, там, где воздух всегда чист и прозрачен, где рождаются белые, как снег, облака, где яркое солнце не даёт тепла, появляются на свет красавицы снежинки. Их родители — вода и холод. Каждый миг тысячи новых снежинок начинают кружение в морозном воздухе, чтобы начать длинное путешествие к земле. В одно из мгновений родилась особо любопытная снежинка:

— О! — воскликнула она, — как нас много! А куда мы летим? А почему мы все похожи, но среди нас нет ни одной одинаковой?

— Не всё ли равно, куда лететь, — ответила ей одна из сестер, — куда-нибудь, да прилетим.

— У каждой из вас по шесть лучей, поэтому вы похожи, но каждую мы украсили по-разному, — ласково сказал отец-холод, — лети, дитя, лети на землю, порадуй людей своей красотой!

Порыв ветра подхватил снежинки, и они понеслись по небу. Огромное белое облако подхватило их.

— Осторожно, вы помните мои лучи! — воскликнула снежинка.

— Вовсе нет, ты станешь еще наряднее, — сказала другая снежинка, гораздо больше её, — водяной пар окутает твои тоненькие лучики, и они станут большими, пушистыми.

Каждую секунду в облако влётали тысячи новых снежинок. Оно отяжелело и полетело вниз, к земле. Вдруг кто-то огромный, черный промелькнул мимо, едва не задев нашу путешественницу.

— Кто это? — со страхом спросила снежинка.

— Это ворон, птица, — ответили ей, — мы приближаемся к земле.

Снежинке не терпелось рассмотреть, что же там, внизу. Она пробралась к краю облака и вдруг отделилась от него и, кружась, полетела к земле. Ей вовсе не было страшно, только очень любопытно.

Снежинка приземлилась на верхушку большого дерева. Сотни других снежинок приветствовали её:

— Новенькая, новенькая! Какая ты нарядная!

— Что вы делаете здесь? — спросила наша путешественница.

— Мы просто лежим на ветках большой ели. Когда нас много, на ветвях получаются целые сугробы. Дерево стоит в белой снежной шубе. Это очень красиво.

— А куда вы полетите потом?

— Никуда. Нам нравится жить на ветках и с высоты любоваться сугробами и снегопадом.

Снежинка решила, что это очень скучно — вот так лежать всё время. Много ли увидишь с ветки! А ей хотелось посмотреть мир. Налетел ветер, и снежинка с радостью полетела дальше. Какие огромные дома! Во дворах играют дети. Ей тоже захотелось поиграть с ними. Она плавно опустилась вниз.

— Посмотрите, какая огромная снежинка! — воскликнула голубоглазая девочка, разглядывая путешественницу, — она села прямо на мою варежку. Красавица!

— Давайте её маме отнесем, — сказал маленький мальчик.

— Не получится, — улыбнулся мальчик постарше, — она тут же растает.

Малыш огорченно вздохнул.

— Не расстраивайся, — улыбнулась девочка, — мы сможем подарить маме эту красоту. Мы её нарисуем!

Мальчик быстро сбежал домой, принес карандаши и несколько листов бумаги. Девочка держала снежинку, а брат быстро рисовал, приговаривая:

— Только бы не растаяла...

Снежинке очень хотелось, чтобы дети смогли подарить рисунок маме, и она старалась изо всех сил не растаять. А еще её мог унести ветер! Вот если бы ей можно было немного подрасти!

Она расправила свои лучи и вдруг почувствовала, что растет, становится больше. Мальчик, увлекшись рисованием, не заметил этого чуда, но младший братишко смотрел во все глаза.

— Ну вот, теперь можно подарить снежинку маме! — сказала девочка.

— Я тоже хочу нарисовать её, подождите! — взмолился младший братик.

— Ты ещё мал, не сумеешь, — строго сказал старший брат, — да и домой пора, уже темнеет.

Малыш только горестно вздохнул. Снежинке стало жаль его, но чем она могла помочь! Дети пошли домой, а она полетела дальше. На улице быстро темнело. Зажглись большие фонари. Сотни снежинок танцевали в их свете. Это было необыкновенно красиво. Снежинка тоже закружилась под тихую музыку ветра в воздушном танце.

— Даже снег радуется, посмотри! — воскликнул какой-то прохожий.

— Конечно, сегодня же канун Рождества, — ответил ему другой, — весь мир ликует, прославляя Творца.

Снежинка не знала, что такое Рождество, но ей тоже стало радостно. Она полетела дальше, заглядывая в ярко освещенные окна. Почти в каждом доме люди наряжали зеленые пушистые ёлочки. Дети и взрослые украшали их шарами, сосульками, звездами. В одном из окон снежинка увидела малыша, который не успел нарисовать её в подарок маме. Он грустно смотрел на темную улицу. Снежинка подлетела к самому окну. Как же развеселить его? В этот чудесный вечер все должны радоваться! Она закружилась в веселом танце. Вверх, вниз, по кругу, как будто в вальсе, кружилась снежинка возле окна. Ветер мягко подхватил её и прижал к самому

окну. Малыш несколько мгновений смотрел на снежинку, а потом горячо зашептал:

— Снежиночка, миленькая, не улетай! Я сейчас!

Через минуту он прибежал с листком бумаги и карандашом. Мальчик вскарабкался на стул, приложил листок к оконному стеклу и начал старательно обводить снежинку. Она замерла. Только бы ветер не унес! Надо бы ещё подрасти! И она опять подросла. Портрет готов. Мальчик соскочил со стула и помахал рукой.

— Спасибо тебе, добрая снежинка! Теперь у меня есть замечательный подарок для мамы! Прощай!

И снежинка отправилась в путь. Она видела радостные лица людей, слышала веселый смех. Повсюду повторялось одно слово: «Рождество». Вдалеке она увидела большой дом, непохожий на другие. Его крыша была полукруглой и светилась золотом, как солнышко. В этот дом спешили люди. Снежинка тоже устремилась во двор.

Несколько человек, приставив лестницу, наряжали большую ёлку.

— Осталось только звезду пристроить — и всё, — довольно сказал один из них.

Он потянулся к макушке, и вдруг звезда выскользнула из рук и упала в снег.

Её быстро подняли. Прямо посредине прошла большая некрасивая трещина.

— Что же делать? — человек растерянно держал звезду в руках, — новой уже не достать. А как же без звезды!

Снежинка стремительно полетела вниз. Только бы не растаять! Она плотно прижалась к звезде. Мохнатые лучи закрыли трещину, а звезда стала удивительно красивой. Через несколько минут она уже сияла на макушке ёлки. Зазвонили колокола, запел хор. Его песнь подхватил ветер и понес дальше, по всему свету, радостную весть: «Христос рождается, славите!»

Елена Чернакова

Снеговик и белочка

Вышли ребята во двор. Хорошо зимним днем на улице! Сначала в снежки поиграли, потом с горки покатались. Весело! Денек теплый выдался. Снежок пушистый с неба сыплет.

— А давайте снеговика слепим! — предложил Гриша.

— Давайте, — обрадовались ребята.

И закипела работа. Снег податливый, липкий, в самый раз для такого дела. Сначала ребята взялись снежные шары катать. Один, нижний, самый большой, широкий. Сначала один Гриша его катил, потом ему Саша на помощь пришел, а под конец снежный ком впятером катили! Установили его посреди двора. Стали серединку скатывать и голову. Прикатили ровные шары к большому кому. А как же их наверх поднять? Опечалились малыши. Идут по двору большие ребята. Увидели младших, подошли посмотреть, что это они делают.

— Что носы повесили? — Гришин старший брат спросил.

— Не знаем, как снеговика построить, — огорченно говорит Гриша, — шары большие получились, нам не поднять.

— Это мы мигом, — засмеялись ребята.

Раз, два — и снеговик собран. Теперь его украшать надо. Вышли во двор мамы с малышами, с колясками. Поглядели — громадный снеговик стоит, а вокруг детвора хлопочет.

— И мы поможем, — решили они.

Принесли морковку красную, два ореха. Дети скатали руки, два круглых шарика, а мамы помогли их приделать. Все вместе сделали снеговику веселое лицо. Дворник дядя Коля старую метлу принес и дал её в руки снеговику. Сашин папа дядя Вася ведро на голову ему вместо шляпы надел. На загляденье получился снеговик.

К вечеру подул холодный ветер. Дядя Вася сказал детям:

— Похолодает, застынет наш снеговик, станет крепким и простоят во дворе до самой весны. А сейчас пора по домам! Темнеет уже.

На небе появились первые звездочки. Попрощались ребята со снеговиком и разбежались по домам до завтра. Остался снеговик один во дворе. Стоял он тихо и думал: «Хорошо, что меня слепили. Это куда лучше, чем просто снегом лежать». Вдруг слышит он — кто-то внизу пищит жалобно:

— Голодно, шишки всё пустые попадаются. Где бы еды раздобыть?

Пригляделся снеговик: белка внизу на снегу скакет. Шишку подберет, лапками ошелушит, да бросит — нет в ней орехов! Жалко ему белку стало. А чем же он помочь может. Задумался снеговик. Потом крикнул белочке:

— Забирайся ко мне на голову! Видишь сладкую морковку, что вместо носа приделана? Возьми, съешь её!

— А как же ты, без носа останешься, — спросила белка.

— Ну и ничего, я же из снега. И так обойдусь. А ты без еды пропадешь.

Прыг-прыг, забралась белочка на снеговика, вытащила ловкими лапками морковку и захрустела ею. Вкусно! Весело стало белочке.

— Спасибо тебе! — крикнула она и ускакала прочь.

Скок-скок! Скакет белочка обратно. Еловую шишку в лапках несет. Раз — и ловко воткнула она её снеговику. Еще лучше нос вышел.

Подбежали утром ребята к снеговику, удивляются: как это за ночь вместо морковки шишка получилась. Поглядел дворник дядя Коля на снег, увидел мелкую морковную стружку и говорит:

— Наш снеговик белку накормил, а она его отблагодарила.

И всем весело стало.

Елена Чернакова

Зимние забавы

Весь долгий Рождественский пост наши звонкие колокольчики проводили в серьезных занятиях. Они усердно занимались в школе, читали, делали подарки для друзей и родных. Но вот и долгожданное Рождество, а за ним веселые святочные дни! Самое время для веселых игр, снежевых забав. Динь и Дон прибежали к старому колоколу.

— Дедушка! — воскликнул Дон, — ты так много игр разных знаешь! Пойдем с нами на улицу, покажем ребятам, как замечательно можно поиграть на зимнем дворе!

Дедушка вышел с внуками на улицу. Во дворе — высокая гладкая горка, ребята с санками, ледянками.

— Принесите два ведерка небольших, и два обруча, — попросил дедушка девочек.

После этого ребята разделились на две команды. Дон отсчитал десять шагов и установил на одном расстоянии ведерки. Дети накатали снежков и по команде, один за другим, стали метать их в ведерки. Оказалось, не так-то просто быть метким! Победила команда, которая быстрее наполнила снежками ведро.

— А теперь будем с горки кататься! Но не просто так... — хитро улыбнулся дедушка.

— А как, дедушка? — спросила раскрасневшаяся Динь.

— Давай-ка обручи, — сказал старый колокол.

Он с помощью ребят установил обручи по краю горки, с разных сторон.

— Тот, кто едет с горки, берет по два снежка. Попробуйте съехать и успеть кинуть снежки так, чтобы они попали в обручи.

Весело мчатся ребята с горки. Не все успевают кинуть снежки, да и попасть в обруч на лету нелегко! Но все стараются.

— Ещё, ещё во что-нибудь поиграем! — кричат дети.

— Будем в царя горы играть, только по-новому, — предложил дедушка, — кто успеет забраться на горку по ледяному склону, пока все остальные считалочку говорят, тот и победитель. Раз, два, три, забирайся!

Зайчик белый, куда бегал?

— В лес дубовый.

— Что там делал?

— Лыки драл.

— Куда клал?

— Под березу.

— Кто украл?

— Раз, два, три.

— Это, верно, ты.

— Раз, два, три, четыре, пять.

— Это, верно, ты опять.

— Раз, два, три, четыре.

— Пять, шесть, семь —

— Это, верно, ты совсем.

— Раз, два, три, четыре.

— Пять, шесть, семь, восемь —

— Становися в угол носом!

Один за другим карабкаются дети на ледяной склон.

Только трое успевают забраться на вершину до окончания считалки. Но никто не обижается. Весело всем! Замечательная пора — свяtkи!

МАСТЕРИМ ВМЕСТЕ

Сегодня мы хотим предложить вам вырезать снежинки. Это занятие будет под силу и взрослым, и детям. Снежинки можно повесить на елку, наклеить на окно, прилепить к потолку, сделать из них шикарные гирлянды, использовать в качестве салфеток для праздничного стола — все зависит от размера и вида бумаги, которую вы используете.

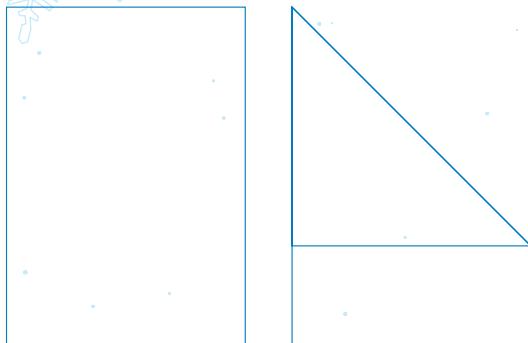
Снежинки у каждого получаются разные — точно такие же как и настоящие — трудно найти две похожие.

Материалы.

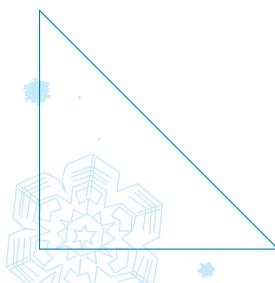
Любая бумага, достаточно тонкая, чтобы ее можно было сложить в 8 или 16 раз и вырезать ножницами. Хорошо будет смотреться двухцветная бумага. Ну и, конечно, понадобятся ножницы и немного фантазии.

Классическая снежинка имеет 6 лучей.

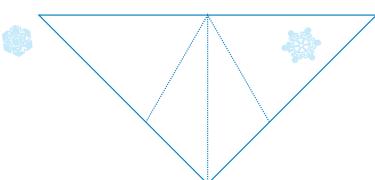
Берем половинку альбомного листа и складываем таким образом:

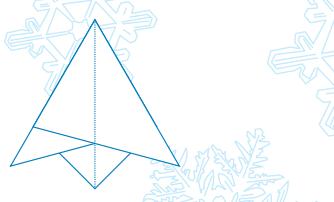
Обрезаем и получаем следующую фигуру:

Поворачиваем ее и складываем по пунктирным линиям:

Получаем такую фигуру. Складываем еще раз по пунктиру:

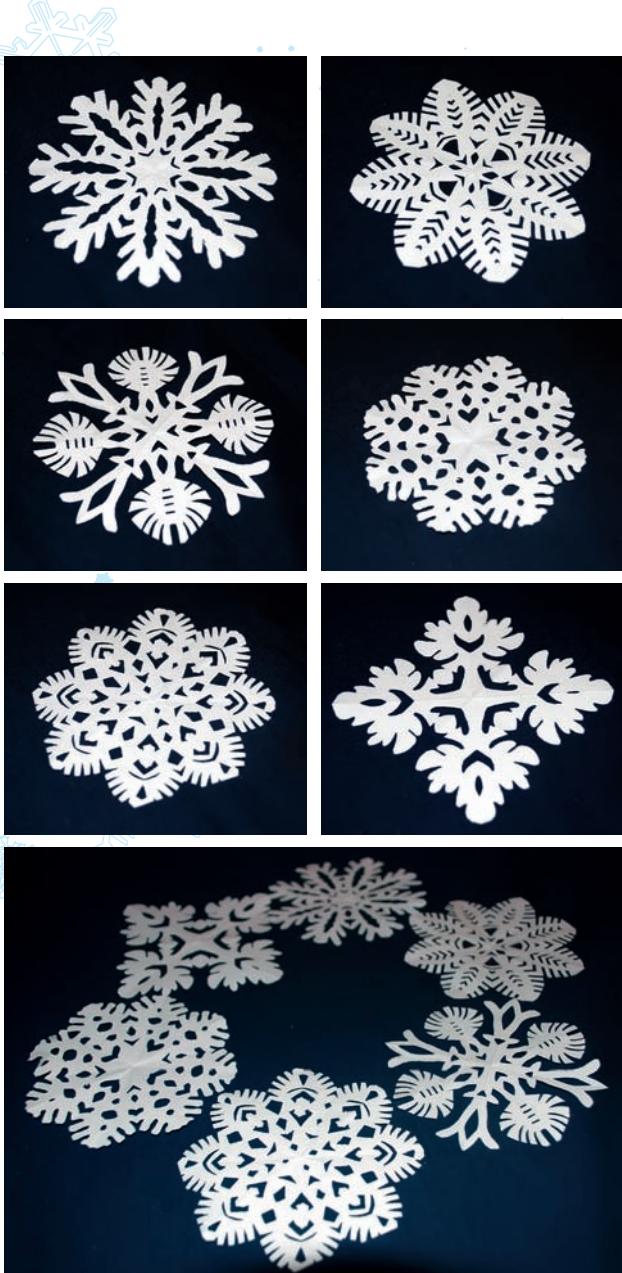

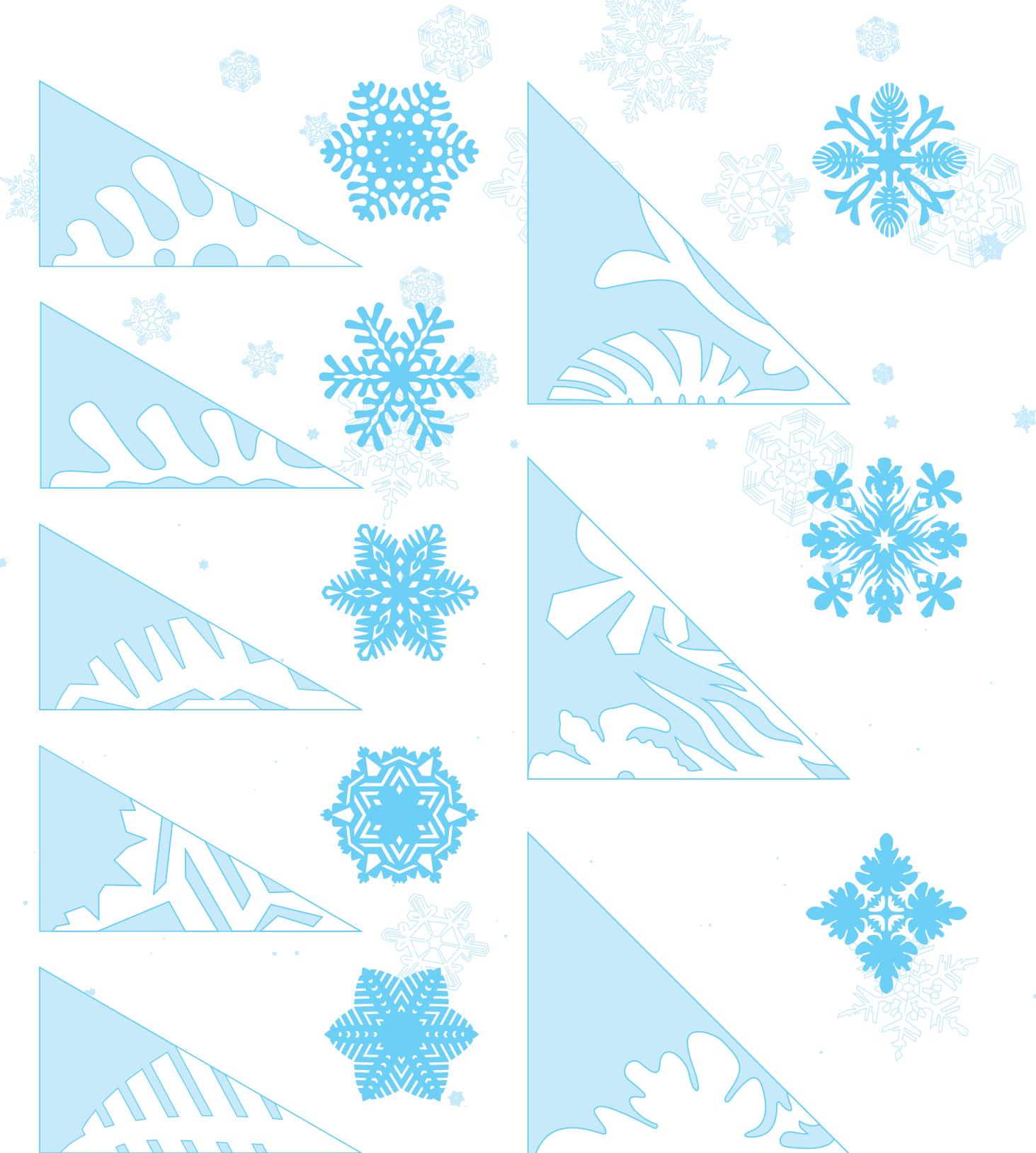
Обрезаем. И заготовка для снежинки готова.

После того, как Вы согнули снежинку, начинайте вырезать узор.

По материалам сайта <http://snowtale.spb.ru>

Просим молитв о здравии рабов Божиих: Вячеслава, Ксении, мл. Иоанна, без помощи которых издание нашего журнала было бы невозможно.

Приглашаем к сотрудничеству творческих людей: занимающихся фотографией, пишущих стихи и прозу, рисующих.

Желающие получать наше издание по почте наложенным платежом могут позвонить по телефонам редакции.

Просим не использовать журнал в хозяйственных целях.

Если он стал вам не нужен — принесите его в храм или подарите другим людям.

Журнал «Православная семья», издание воскресной школы Сергиево-Казанского храма п. Краснообск, Новосибирской епархии Русской православной церкви. Издается на пожертвования прихожан. Журнал можно приобрести на Епархиальном складе; в лавках прихода во имя иконы Божией Матери «Казанская»; киоск по ул. Б. Богаткова, у дома № 208; киоск по ул. Геодезическая, 8 (НГТУ, ст. метро Студенческая); вестибюль ст. метро Площадь Маркса (выход на ул. Ватутина); в Сергиево-Казанском храме п. Краснообск (ост. Торговый центр).

Главный редактор: иерей Дионисий Михалев.

Редактор: Лютина Ю.В.

Редакционный совет: Тихобаев Ю.П., Чернакова Е.О., Каргополова Е.В.

Рецензент: протоиерей Виталий Бочкарев.

Дизайн, верстка, допечатная подготовка: Новиков А.Б.

Тел.: (383) 348-53-70, 308-75-03.

E-mail: serg774@yandex.ru **Web:** www.family.orthodoxy.ru

Печать: ООО «Хромопринт». Тираж 998 экз.

